

Комсомольская
Правда
29 декабря
1982 г.

ОСТАВАЛОСЬ понять главное: почему он хотел летать, и какая сила тянула его в небо.

Валерий Рыцарев еще учеником строил и запускал модели самолетов. После школы решил поступать в летное училище. Неудача: подкачало зрение. Год он работал на заводе токарем. На следующий отправился в столицу и поступил в Московский авиационный институт.

А когда пришла пора распределения и ему, как способному студенту, предложили хорошее место в Куйбышев, он отказался и предпочел Новосибирск, потому что в Новосибирске — Рыцарев знал это точно — существовал планерный клуб.

Спустя год он уже летал с новыми товарищами. Жизнь, по его мнению, складывалась удачно. Но вскоре случилось то, чего никто не мог предвидеть: по чьей-то халатности в планерном клубе сгорел самолет. Новосибирский обком ДОСААФ, и раньше косо смотревший на местных планеристов (хлопот с ними много, а зачетных очков в копилку показателей работы не дают), тут же предложил закрыть клуб. Полеты прекратились.

Что оставалось делать Рыцареву? Летать на планере уже нельзя. Для пилотирования самолета нужно специальное разрешение, а его нет. Он выбрал то, что было ближе к небу, — перешел в лабораторию аэрофизических процессов Института теоретической и прикладной механики Новосибирского научного центра. Академик Владимир Васильевич Струминский, в то время директор института, подбирая способную молодежь: здесь создавалась мощная экспериментальная аэродинамическая база.

Первым комсомольским поручением в институте стала для Рыцарева работа в подшефной школе. Он пришел в класс после уроков, поглядывая на ребят и тут же решил, что надо делать. Всем классом они махнули на аэродром. Он показывал самолеты, говорил о летных характеристиках, рассказывал о полетах на современных планерах. Так началась их дружба. А директор школы только разводил руками: «У них теперь и директор, и завуч, и любимый учитель в одном лице — Валерий Михайлович».

Он продолжал заниматься с подшефными, еженедельно выпускал «Механик» — институтскую стенгазету, экспериментировал в лаборатории. Что ж, для активиста это было вполне достаточно. Однако сверх того он был занят еще и главным своим делом.

Валерий Рыцарев создавал планерный клуб. Сначала ходил и просил. Ему отказывали. Он шел снова. Ему снова отказывали. Тогда он пошел к Лаврентьеву. Михаил Алексеевич Лаврентьев, в ту пору председатель президиума Сибирского отделения Академии наук, поддержал Рыцарева сразу и безоговорочно: «Если у нас не будет планерного клуба, то кто же станет в Сибири готовить Королевых?» Письмо президиума ушло в Новосибирский обком ДОСААФ. И открыты разрешили, правда, на общественных началах. Но по инструкции для того, чтобы летать, нужно было обязательно построить ангар, иметь штатных летчиков, инструкторов, инженера и двух техников.

А квартал для пилотов и инструкторов будущего планерного клуба, да еще на об-

щественных началах, естественно, никто не хотел выделять.

— Мы познакомилась с Валерией, когда я работала секретарем Советского райкома партии, — рассказывал мне о том периоде жизни Рыцарева доцент Новосибирского университета В. А. Миндоллин. — Я помню, как он позвонил и попросил встретиться. Он интересно рассказывал о клубе, о проблемах, о полетах. Потом мы встречались еще несколько раз. И постепенно я понял вдруг, что стал его союзником. Наверное, воспитанным в себе умением слушать, соглашаться, прекрасно рассказывать о своем деле, убеждать в его первостепенной важности он добивается от самых разных людей необходимого. Я бы сказал, что это был мастер делового компромисса.

ВЫСОТА

До последних дней она оставалась

главной потребностью его жизни

О его способности уговаривать, обращать людей в свою «летную» веру до сих пор ходят легенды. Однажды, когда клуб уже был создан и при нем уже работала знаменитая теперь школа юных планеристов, кому-то из друзей Рыцарева пришлось в голову, что неплохо было бы перебраться из аэропорта Толмачево на досаафовский аэродром списанной «ТУ-104» и устроить в салоне учебный класс для юных планеристов. То-то бу-

дет радости у ребят! Рыцарев загорелся идеей. Сложность, однако, состояла в том, что «гнать» отслуживший свой век «ТУ» надо было не по земле, а по воздуху, да еще приземлять его не на бетонку, а на грунтовое поле, чего никто на месте разрешить не мог. Тогда он поехал в Москву и неделю пропал в кабинетах Министерства гражданской авиации. Привез оттуда разрешение. Потом уговаривал пилотов. И наконец нашел экипаж опытных летчиков, которым интересно было посадить «ТУ» на грунтовку.

Поздней осенью «ТУ-104» совершил самый короткий свой перелет из одного городского аэропорта на другой. Все обошлось благополучно. И, когда самолет, выпустив парашюты, зарулил на стоянку и замер, над полем раздалось громкое «ура» мальчишек. Но громче всех, кажется, кричал сам Рыцарев.

Наступило счастливое время, когда наконец-то начались полеты и позади было самое трудное: и ангар, который строили сами лютой зимой из списанных блоков и панелей, и квартиры для летчиков и инструкторов, которые он «выходил-таки» в городских инстанциях. Теперь сбылась мечта Рыцарева и его друзей — Бориса Занина, Миши Рамазанова, Виктора Охалкина: у них в клубе стала работать юношеская планерная школа. Триста «трудных» подростков из Новосибирска и Бердска пришли к ним.

Это было действительно счастливое время. Все у него получалось, и главное — начались полеты. Может быть, Валера уверовал в успех, не знаю. Но он решил явиться к окулисту. Знал, что зрение

слабовато, и все же пошел. И был отстранен от полетов безоговорочно. Большого несчастья для Валеры нельзя было придумать. Раньше, когда ему предстояло сделать невозможное возможным, он знал, что все зависит от его настойчивости. И потому смело брал на себя подчас непо-

К тому времени в планерный клуб на смену чехословацким «Вланикам» пришли элегантные «Кобры». Ему не терпелось опробовать «Кобру» в воздухе. Он опять идет на медкомиссию. И снова врачи выносят приговор: «Не годен». На этот раз подвело сердце. Сказались работа по ночам, бесконечные хлопоты...

Но и сердце можно «починить»! Он едет в Москву, снова ложится в госпиталь и вновь добивается у медиков разрешения на полеты.

И опять предстоит перед врачами медкомиссия, шутит: «В этом теле сердце бьется, как часы». Но врачи почему-то смущенно молчат и отводят глаза...

Через два с половиной месяца Валерий умер. И он, и врачи на этот раз были действительно бессильны: рак. «За три часа он мог влюбиться на всю жизнь. Энтузиаст, он зажигал окружающих, он не мог жить без людей. Какие бы высокие слова о нем ни говорились — все они правда. Он был рыцарем неба». Так написали друзья в коротком некрологе.

Рыцарь неба... Близкие люди Валерия говорили мне, что фамилия как нельзя более точно отражала и его отношение к жизни. Но вот теперь, пытаюсь понять, каким был Валерий, ловлю себя на том, как что-то мешает совместить в нем два понятия — рыцарь и «мастер компромисса». Бывают ли такие рыцари?

А что мы, собственно, знаем о нелегкой жизни сегодняшних чудачков и Дон-Кихотов? Как, по каким признакам различить среди людей их, облаченных огню не в рыцарские латы? Где увидеть их поединки, когда турниры канули в Лету, а ветряные мельницы учтены поштучно?

И все же... Перед нами не так уж мало — прожитая человеческая жизнь. Вглядимся в нее повнимательней.

Говорят, он действительно был чудачком. Летом, например, мог прийти в магазин в шортах и босиком: не для эпатажа, а по привычке ходить именно так. Однако не это главное в нем.

Рыцарев бывал у разных

людей, в том числе и у высокопоставленных, рассказывал о нуждах клуба, просил, уговаривал, убеждал помочь. Получал отказы, но всякий раз приходил снова. Иногда ему говорили: «Молодой человек, ну что вы, разве так делаются дела. Странный вы, право...» Он и впрямь мог показаться «странным», — поскользку сотни раз готов был ходить в парадный подъезд, но ни разу с черного хода.

Он, «мастер компромисса», становился бескомпромиссным и ругался до хрипоты с инструкторами и пилотами, когда видел протанцовывающие планеры, когда замечал бездушные в работе с мальчишками из юношеской планерной школы.

ильную ношу. И вот теперь впервые в жизни казалось: уже ничто не зависит от его энергии. Не летать он не мог, а летать было запрещено.

Нет, как бы не так! Если не в порядке зрение, его надо «чинить»! И он едет в Куйбышев, ложится в госпиталь, соглашается почти на безнадзорную операцию. Потом дает согласие на вторую. Через год у него в руках — справка: «Ограниченно годен к полетам...» Врачи медкомиссии разводили руками: «Поразительно!»

Рыцарев был добросовестным и талантливым экспериментатором. Это он открыл интереснейший эффект, проводя опыты на аэродинамической трубе. Это он впервые предложил использовать планер в качестве летающей лаборатории. Сейчас с летающей лабораторией работают его друзья Борис Заини и Миша Рамазанов. Но сам он за пятнадцать лет в институте так и не удосужился защитить диссертацию. Хотя и его вингроторы, и летающая лаборатория вполне могли бы стать темами диссертаций. И тут были люди, которые считали его чудачком: жить на зарплату младшего научного сотрудника с женой и двумя детьми, возиться со своими планерами и «младенцами» вместо того, чтобы подумать о существенной кандидатской прибавке к бюджету, — это казалось странным. А ведь оппоненты Рыцарева не знали, что на свою зарплату он, случалось, возил «младенцев» на соревнования (когда никто не брался финансировать поездку), что покупал по сотне билетов досафовской лотереи, чтобы поднять репутацию клуба в обкоме ДОСААФ.

Он был знаком, кажется, со всем городом. Но обширные знакомства не принесли в его дом всевозможных дефицитов и не приводили престижных гостей. Это был дом, в котором все было сделано его руками.

Единственной дорогой вещью, купленной ими по общему согласию, был кассетный магнитофон. Первая запись, которую он сделал, — Шестая соната Бетховена. Он брал с собой магнитофон с этой записью в полеты.

— Вы должны знать, — сказала Светлана, жена Валерия Рыцарева. — В последнее время у меня было такое ощущение, что Валера не живет, а летит. Не было отпусков и выходных в привычном понимании этого слова. Я чувствовала, что надолго его не хватит. Только вот не могла предполагать, что все случится так скоро...

Много ли он успел сделать? Как посмотреть. Он не стал доктором наук, даже кандидатом. Он не водил в рейсы лайнеры Аэрофлота, он даже не пилотировал доступную теперь каждому планеристу «Кобру».

Но, может быть, сотни мальчишек, впервые взлетевших в небо, клуб, который он создал, люди, которым помог, друзья, которые считали и считают его рыцарем, — может быть, это все-таки важнее?

Жизнь его была наполнена до краев, и прожил он ее, не переводя дыхания, в полете, как сказала Светлана. Он ни разу не потерял своей высоты.

Ю. ЛЕПСКИЙ.
(Наш корр.)

Новосибирск.